

Мельникова А.А.

ПОЛИТИКА ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ГЛУБИННЫЕ ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУР

Аннотация: Цель статьи: изучить один из аспектов процесса глобализации – распространение английского языка – в контексте теории лингвистической относительности, указывающей на взаимосвязь языка с ментальностью носителей данного языка. При анализе автор рассматривает отнесенность английского языка к «иметь»-языкам, а русского – к «быть»-языкам и конкретные формы выражения этого в языке в качестве глубинных культурных установок, связывая данные факты воедино, с одной стороны, с концепцией Фромма о направленности человека на обладание или бытие, с другой стороны – с процессом глобализации и установками, стоящими за формами проявления этого процесса и обуславливающими результаты (прежде всего, цивилизационные кризисы), которые мы наблюдаем в настоящий момент. В заключении автор предлагает в качестве первого антикризисного шага активизировать филологическую составляющую образовательного процесса, в том числе – на уровне высшей школы.

Review: The purpose of this article is to study one of the aspects of globalization process, i.e. distribution of the English language, from the point of view of the theory of linguistic relativity pointing out the relation between the language and mentality of the speaker. The author analyses the relation of the English language to the 'to have' group of languages and relation of the Russian language to the 'to be' group of languages as well as particular forms of expression of these relations in the language as profound cultural attitudes. This can be explained, on one hand, from the point of view of Fromm's concept about orientation of human either at acquiring or existence, and from the point of view of globalization and stereotypes and attitudes behind the globalization process that determine the results (civilization crises first of all), on the other hand. In conclusion the author recommends to promote philology in education including the system of higher education as the very first anti-crisis measure.

Ключевые слова: Культурология, глобализация, ментальность, психолингвистика, английский, присвоение, кризисы, установки, ценности, русский

Keywords: cultural studies, globalization, mentality, psycholinguistics, English, acquisition, crises, stereotypes, values, Russian.

Аналитики глобализации в первую очередь фиксируют экономическую сторону данного процесса, считая его базой происходящих изменений. Однако, безусловно, экономикой процесс глобализации не исчерпывается, и анализ посвященных этому вопросу работ открывает различные сценарии возможного развития событий, из которых выделяются два противоположных: в одном случае глобализация выступает в качестве организатора единства многообразия, который обеспечивает взаимодействие разных культурных образцов, традиций и ценностей, задавая установку на их сохранение, служащее обогащению культурной жизни человечества. При

таком варианте развития событий происходит взаимный обмен и обогащение: с одной стороны, западная культура трансформирует в соответствии со своими ценностями элементы установок, норм и ценностей других культур, давая собственную интерпретацию их самобытным идеям. С другой стороны, иные культуры не слепо копируют западные образцы, а также видоизменяют их под нормативы собственного культурного пространства, в результате чего местные культурные ценности расширяются и обогащаются.

В противоположном сценарии происходит унификация культурных моделей, причем – по западному типу (так называемая вестернизация)

и, как логическая часть данного процесса – гомогенизация культурного пространства, тоже – в соответствии с американскими стандартами и ценностями. По сути, в этом варианте культура, выступающая «образцом», вытесняет и подавляет все остальные культуры, участвующие в процессе. При таком развитии событий с утратой культурной автономии «не-образцовых» обществ происходит уничтожение их самобытности и, как следствие – обще-культурное обеднение. В настоящий момент аналитики говорят о наличии именно такой тенденции, утверждая, что из-за не имеющей исторических аналогов культурной синхронизации «впечатляющее разнообразие культурных систем уменьшается»¹.

Исследователи, склоняющиеся к версии развития глобализации по этому, второму сценарию, наряду с подтверждающими данный факт экономическими процессами, указывают и на все усиливающуюся культурную экспансию: «Американские телевизионные программы и фильмы занимают почти три четверти мирового рынка. Американская популярная музыка также занимает господствующее положение, и увлечениям американцев, привычкам в еде и даже одежде все больше подражают во всем мире»².

Происходящая параллельно с этим глобализация СМИ, включенность все большего числа людей во всемирную систему Интернета позволяет формировать общее представление о реальности, которое угрожает стать про-американским.

Эти и сопутствующие процессы уже стали объектом пристального внимания и научного обсуждения, наша же задача – привлечь внимание к еще одной стороне происходящей глобализации, которая связана со все усиливающейся экспансией английского языка. Ей способствуют ряд факторов: во-первых, политическое, экономическое и военное могущество англоязычных стран, а также развитие Транс-Национальных Корпораций: согласно статистике на август 1997 г. преобладающим источником ТНК является США – штаб-квартиры в Америке имеют 162 из 500 самых крупных, второе место – 156 штаб-квартир – у всех стран Европейского Союза, вместе взятых,

и в таких корпорациях, как правило, языком общения является английский³.

Широкому распространению английского языка также способствует активное развитие науки, так как большая часть основных научных исследований в мире публикуется в научных и технических журналах, выходящих на английском языке.⁴ Распространению английского языка способствует также уже упоминавшаяся культурная экспансия и распространение Интернета (в том числе и наличие в нем поисковых систем), развитие мультимедийных средств.

Английский язык из формально изучаемого превращается в реальный язык общения, количество говорящих на нем как на не родном языке постоянно возрастает. Однако просто ли это удобный инструмент коммуникации? Представляется, что этот процесс необходимо рассмотреть более подробно.

Еще в начале XIX в. В. фон Гумбольдт высказал идею о том, что строение языка соответствует «внутренней организации мышления» говорящего на этом языке народа.⁵ Язык представляет собой определенное мировидение, являясь закрепленным в словесной форме представлением о мире, и, занимая место между человеком и внешним миром («язык есть мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека»⁶), сам в свою очередь влияет на человека, задавая те или способы классификации внешней действительности. Последователь Гумбольдта, один из авторов лингвистической теории относительности Уорф подчеркивал, что выделяемые человеком из мира явлений те или иные категории или типы вовсе не очевидны: с его точки зрения, язык – это некое коллективное соглашение относительно формы систематизации поступающего из внешнего мира в сферу сознания материала, и человек не может выйти за пределы заданного языком способа систематизации и типа классификации⁷. С момента

³ The Future of the Global Economy: Towards a Long Boom? OESD, Paris, 1999. С. 130.

⁴ Кресталл Д. Английский язык как глобальный. М., 2001. С. 155.

⁵ Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 64.

⁶ Там же, с. 393.

⁷ Whorf Benjamin Lee. Language, thought and reality: Se-

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. М: Аспект пресс, 1996. С. 88 – 89.

² Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1999. С. 38.

Политика и общество 11 (107) • 2013

своего зарождения такой подход к языку включал в себя рассмотрение все новых и новых аспектов, однако базовые постулаты – ядро теории – остались неизменны.⁸ В настоящий момент осознание продуктивности данных концептуальных положений порождает новые научные дисциплины, такие, как когнитивная культурология⁹, когнитивная лингвистика¹⁰, лингвокультурология¹¹ и др., которые, в свою очередь, начинают использоваться в качестве основы для объяснения тех или иных феноменов культуры.¹²

В контексте же задач данной статьи возникает вопрос – какой именно тип классификации задается английским языком? Ведь, согласно изложенному выше подходу, английский язык транслирует и определенное мировидение, которое тем глубже будет влиять на говорящего на нем человека, чем лучше язык усвоен. Кроме того, представляется полезным, исследовав значимый тип классификации, задаваемый английским языком, сравнить, как эта же классификация осуществляется в русском.

Анализируя присущие языкам грамматические особенности, филологи, в частности, проводят разделение языков на иметь-языки и быть-языки. В иметь-языках идея обладания выражается с помощью глагола «иметь», и данная синтаксическая конструкция – это конструкция активного действия, такая же, как с использованием глаголов «брать», «держат» или «класть». Английский относится именно к языкам такого типа. Русский же принадлежит к типу «быть»-

языков, которые приравнивают идею обладания к свойству или даже к местонахождению («что-то где-то есть» – «что-то у кого-то есть»).

В этих двух типах классификаций заложены два разных подхода – тот, кто имеет, с точки зрения языковой структуры рассматривается как активная личность, как приобретатель; во втором же случае идея обладания передается пассивно, и тот, кто имеет, рассматривается как хранитель – что-то есть около тебя. Кроме того, второй тип языков транслирует идею бытия как такого, как категории существования.

Что касается жизненных установок, то, как заметил Э. Фромм, «обладание и бытие являются двумя основными способами существования человека»¹³, это – не некие отдельные качества индивида, а «два разных вида самоориентации и ориентации в мире... преобладание одной из которых определяет все, что человек думает, чувствует и делает»¹⁴. При установке на обладание отношение к миру основано на стремлении сделать его объектом владения, стремлении превратить все в свою собственность. Наличие большого объема этой собственности и определяет социальную значимость человека.

Вторая установка, с точки зрения Фромма, является противоположностью обладанию и означает жизнелюбие и истинную причастность к миру, она связана с подлинной природой личности или вещи, а не с тем, как личность или вещь выглядит, ибо видимость порой обманчива.

Хотя Фромм в своей работе и касается языковой части данного вопроса, замечая, что в некоторых языках наблюдается тенденция замены иметь-установки на быть-установку, связывая этот процесс с развитием частной собственности, но, кроме этого замечания, весь остальной его анализ сконцентрирован на человеке и социальном развитии в целом, не фиксируясь ни на лингвистической составляющей вопроса, ни на большей или меньшей связи одной или другой установки с какой-либо определенной культурой.

Однако думается, есть основания утверждать наличие доминирования в любом рассматриваемом обществе либо «иметь» либо «быть» уста-

lected writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. John B. Carroll. New York: Wiley. 1956. С. 213.

⁸ Даниленко В.П. Вильгельм фон Гумбольдт и неогумбольдтианство. М., 2010.

⁹ Режабек Е.Я., Филатова А.А. Когнитивная культурология. СПб., 2010.

¹⁰ Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М., 2008.

¹¹ Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М., 2010; Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. М., 2009.

¹² Головановская М.К. Ментальность в зеркале языка. М., 2009; Иная ментальность/ В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. М., 2005; Леонтович О. Введение в межкультурную коммуникацию. М., 2007; Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2008.

¹³ Фромм Э. Человек для себя. Иметь или быть. Мн: Изд. В.П. Ильин, 1997. С. 223.

¹⁴ Там же. С. 231.

новки, которое имеет укорененность в глубинных основаниях культуры данного общества, и, с другой стороны, может быть выявлено в процессе анализа языка.

Что касается глубинных оснований национальной культуры, то вопрос о них до сих пор является предметом дискуссий – проявления культуры разнообразны, запечатлены во множестве ее модусов, что создает возможность различных трактовок. В целом предполагается, что данные основания мало изменяются в течение длительного времени, являясь базовыми в смысловых и поведенческих структурах представителей той или иной культуры. Размышляя о глубинных основаниях, академик В.С. Степин дает такое определение: это «глубинные программы социальной жизнедеятельности, которые пронизывают все другие феномены и элементы культуры и организуют их в целостную систему»¹⁵, выступая также в качестве матрицы воспроизводства как субъект-субъектных, так и субъект-объектных отношений, постоянно транслируясь в культуре. Кроме того, эти глубинные основания, по мнению В.С. Степина, являются мировоззренческими категориями, которые обеспечивают «воспроизводство определенного образа социальной жизни и определенных типов личности»¹⁶, поскольку именно в них в закодированном виде содержатся глубинные программы поведения и деятельности.

Возникает вопрос: какое содержательное наполнение может быть у этих универсалий? Представляется, что нацеленность культуры на обладание/присвоение или бытие и относится к разряду этих глубинных мировоззренческих оснований ибо, с одной стороны, как отметил уже цитируемый нами Э. Фромм, направленность на потребление или существование не является частной характеристикой, она преобразовывает поведение человека во всех сферах жизни, направляя на отбор сообразных ей целей. С другой стороны, нацеленность на обладание или бытие является также культурной характеристикой и, с нашей точки зрения, соотносится с устоявшимся разделением культур на восточные и за-

падные. Описывая специфику западных культур, указывают центрированность на человеке, который, опираясь на логику и разум, занимает активную позицию по отношению к миру, подчиняет себе силы природы и общества, преобразуя мир, приспособляя его для своих нужд. В такой позиции, безусловно, проглядывает установка на обладание. Что касается восточных обществ, то там первичным является окружение человека, как социальное, так и природное, в которое человек, опираясь на эмпатию и интуицию, должен вписаться максимально гармоничным образом. Здесь, безусловно, выражена установка на бытие.

Если культурологи, описывающие русскую культуру, не относят ее к безусловно восточным, говоря о нашем срединном, промежуточном месте между востоком и западом, то с точки зрения лингвистики картина очевидна: русский язык, как было сказано, относится к группе «быть»-языков, использующих даже в ситуации безусловного обладания глагол, фиксирующий существование данного объекта («у меня есть дом»). То есть в русском языке поддерживается установка, акцентирующая значимость существования самого по себе, а не обладания этим чем-то.

Что касается англоязычных культур (страны Англия, Америка, Канада, Австралия и Новая Зеландия), то они входят в перечень стран западной культуры. С лингвистической точки зрения английский относится к «иметь»-языкам, которые используют конструкцию с глаголом обладания как в ситуациях, когда индивид действительно чем-то владеет (как с юридической точки зрения – «я имею дом», так и с точки зрения сути процесса обладания – «я имею мысль»), так и в случае, когда это обладание не является очевидным фактом («я имею брата» – человек не обладает братом, как своей собственностью).

Однако установка на обладание выражается не только глаголом *to have*. Если рассмотреть значение данного глагола, то он указывает на результат процесса присвоения – то есть я уже имею. Ход же процесса присвоения фиксируется глаголом «брать». И здесь тоже между английским и русским языком есть существенная разница. Во-первых, в распространенности данного глагола, вариативности его употребления: согласно данным Гугла-переводчика, который основывается на совокупности данных основных словарей, у

¹⁵ Степин В.С. Мировоззренческие универсалии как основание культуры // Универсалии восточных культур. – М., 2001. С. 15.

¹⁶ Там же, с. 24.

Политика и общество 11 (107) • 2013

английского «to take» – 75 оттенков значений, а у русского «брать» – 10. То есть активность английского «to take» в 7,5 раз выше, чем русского «брать». Во-вторых, в английском языке – наличие значительного количества стандартных оборотов с take (таких, как take smth to eat (есть), take smth to drink (пить), take fright (испугаться), be taken ill (заболеть) и др.), также усиливающих укорененность to take в языке, и, следовательно, в соответствии с гипотезой лингвистической относительности – в сознании носителей данного языка. В-третьих, значимым является и анализ стандартных ситуаций употребления – так, в русском варианте мы берем то либо то, что затем становится нашим – билеты (на поезд, например), либо то, на что впоследствии непосредственно влияем (например – такси, маршрут которого мы определяем после того, как его берем). Английский язык демонстрирует расширение представлений о том, что человек берет, куда попадает не только то, на что впоследствии человек влияет, но и то, что следует своим собственным маршрутом (например, поезд или самолет, которые, по нормам английского языка, тоже берутся).

Итак, установка на активное присвоение, свойственная западной цивилизации и являющаяся одним из глубинных оснований данной культуры, закреплена в языке (не только английский – все западно-европейские языки относятся к «иметь»-языкам¹⁷ [10, с. 224]). Английский язык, расширяющий за счет процесса глобализации свою сферу влияния, является активным проводником данной установки. Однако ориентация на включение в свою собственность всего, что окружает человека, привели к цивилизационному тупику, воплощенному, прежде всего, в экологическом и экономическом кризисах. Если установки, формирующие потребительское отношение к природе и миру, приводят к таким результатам, то возникает вопрос – не лучше ли, осознавая стоящие за английским языком глубинные основания, активизировать русский язык, изучая его не только в школе, но и в высших учебных заведениях (возможно – с учетом специфики изучаемой дисциплины, возможно – просто как культурологический предмет), тем более, что с увеличением числа телеканалов,

усилением захваченности компьютерными играми и расширением Интернет-пространства новые поколения россиян все меньше читают, как следствие – начинает падать грамотность, русский язык используется в общении в весьма усеченном варианте. В школах же – явная тенденция к увеличению часов на иностранные языки, а в вузах – только иностранный язык. Однако в свете вышеизложенного разумность такого положения дел вызывает серьезные сомнения.

Библиография:

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М., 2010.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1999.
3. Головановская М.К. Ментальность в зеркале языка. М., 2009.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
5. Даниленко В.П. Вильгельм фон Гумбольдт и неогумбольдтианство. М., 2010.
6. Иная ментальность/ В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. М., 2005.
7. Кристалл Д. Английский язык как глобальный. М., 2001.
8. Леонтович О. Введение в межкультурную коммуникацию. М., 2007.
9. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М., 2008.
10. Плулгян В.А. Почему языки такие разные? – М., 2001.
11. Режабек Е.Я., Филатова А.А. Когнитивная культурология. СПб., 2010.
12. Степин В.С. Мировоззренческие универсалии как основание культуры // Универсалии восточных культур. – М., 2001.
13. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2008.
14. Фромм Э. Человек для себя. Иметь или быть. Мн: Изд. В.П. Ильин, 1997.
15. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. М., 2009.
16. Штомпка П. Социология социальных изменений. М: Аспект пресс, 1996.

¹⁷ Плулгян В.А. Почему языки такие разные? – М., 2001. С. 224.

17. The Future of the Global Economy: Towards a Long Boom? OESD, Paris, 1999.
18. Whorf Benjamin Lee. Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. John B. Carroll. New York: Wiley. 1956.
8. Leontovich O. Vvedenie v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu. M., 2007.
9. Maslova V.A. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku. M., 2008.
10. Plungyan V.A. Pochemu yazyki takie raznye? – M., 2001.
11. Rezhabek E.Ya., Filatova A.A. Kognitivnaya kul'turologiya. SPb., 2010.
12. Stepin V.S. Mirovozzrencheskie universalii kak osnovanie kul'tury // Universalii vostochnykh kul'tur. – M., 2001.
13. Ter-Minasova S.G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. M., 2008.
14. Fromm E. Chelovek dlya sebya. Imet' ili byt'. Mn: Izd. V.P. Il'in, 1997.
15. Khrolenko A.T. Osnovy lingvokul'turologii. M., 2009.
16. Shtompka P. Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii. M: Aspekt press, 1996.
17. Whorf Benjamin Lee. Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. John B. Carroll. New York: Wiley. 1956.

References (transliteration):

1. Alefirenko N.F. Lingvokul'turologiya: tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka. M., 2010.
2. Bzhezinskii Z. Velikaya shakhmatnaya doska. M., 1999.
3. Golovanivskaya M.K. Mental'nost' v zerkale yazyka. M., 2009.
4. Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu. M., 1984.
5. Danilenko V.P. Vil'gel'm fon Gumbol'dt i neogumbol'dtianstvo. M., 2010.
6. Inaya mental'nost' / V.I. Karasik, O.G. Prokhvacheva, Ya.V. Zubkova, E.V. Grabarova. M., 2005.
7. Kristall D. Angliiskii yazyk kak global'nyi. M., 2001.